

УДК 321

Каневский И. А.*Аспирант кафедры философии и социальных наук Севастопольского
национального технического университета*

ФЕНОМЕН КВАЗИДЕМОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ ПОСТМОДЕРНА

Рассматриваются причины возникновения и политико-правовые особенности квазидемократий. При этом анализируется влияние на формирование квазидемократий политической культуры и экономического фактора.

Ключевые слова: демократия, политическая система, квазидемократия, постмодерн, симуляция.

В вышедшем в 1992 г. труде «Конец истории и последний человек» американский философ и политолог Фрэнсис Фукуяма сформулировал свой знаменитый тезис о конце истории. Фукуяма доказывал, что западные либеральные ценности одержали бесповоротную победу над конкурирующими представлениями о политических и экономических реалиях. В конце XX в. у либеральной демократии и капитализма практически не осталось каких-либо альтернатив. Автор «Конца истории» прогнозировал исчезновение всех дифференцирующих тенденций в мировой социально—политической системе и глобальную рецепцию либеральных институтов и рыночной экономики, являющихся своеобразными символами западной цивилизации. Анализируя исторические тенденции с позиции гегельянства и неогегельянства, Фукуяма отстаивал тезис о том, что западные социально—политические и экономические институты приобретают в современном мире универсальное значение, так как являются наиболее оптимальными «инструментами» для удовлетворения различных потребностей социума.

«Писавший в двадцатом столетии великий интерпретатор Гегеля Александр Кожев решительно заявлял, что история закончилась, поскольку то, что он называл «универсальное и однородное государство», а мы понимаем как либеральную демократию, определённо разрешило вопрос о признании путём замены отношений господина и раба универсальным и равным признанием» [1, с. 22].

Тенденция к стиранию границ между различными цивилизационными (и этнорелигиозными) системами, движимая всеобщим стремлением к достижению экономического процветания, выступает в данной парадигме как процесс не только глобальный, но и необратимый.

«По мере приближения к XXI в. глобальная конвергенция политических и экономических институтов становится всё очевиднее. Монархия, фашизм, либеральная демократия и коммунизм яростно сражались за первенство в политической сфере, а в экономике государства вступали на расходящиеся пути протекционизма, корпоративизма, свободного рынка и централизованного планирования. И, тем не менее, сегодня практически все развитые общества либо уже имеют либерально—демократические институты, либо пытаются их учредить» [2, с. 14].

Однако последующие политические события можно считать скорее не триумфальным шествием западной либеральной демократии, а историей успеха «дефектных» вариантов нелиберальной демократии.

Попытку осмысления данного феномена предпринимали многие политологи. В ходе многочисленных политологических дискуссий и анализов возникали не менее многочисленные определения данного явления (квазидемократии, нелиберальные демократии, дефективные демократии и пр.).

Так, Фарид Закария, рассматривающий проблемы демократии в своих работах «Постамериканский мир» и «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за её пределами» указывал, что во многих странах, ставших на путь демократизации, наблюдаются смешанные черты демократического и авторитарного правления. Подобные авторитарно—демократические гибриды получили в его работах наименование «нелиберальных демократий». Политические реалии подобных образований характеризуются рядом специфических черт. Так, в условиях нелиберальной демократии «правительства, претендующие на то, чтобы представлять народ, стремительно вторгаются в сферу полномочий и прав других элементов общества. Узурпация власти имеет как горизонтальное измерение (присвоение полномочий других её ветвей), так и вертикальное (вторжение в сферу полномочий региональной и местной власти, а также частного бизнеса и других неправительственных групп)» [3, с. 102]. Кроме того, в феномене нелиберальной демократии заключается не только внутривластная нестабильность, но и внешнеполитическая угроза. Так, государства, находящиеся в процессе демократизации вступают в войны значительно

чаще, чем стабильные автократии или либеральные демократии. «В государствах, где отсутствует конституционно-либеральный фундамент, подъём демократии нередко приносит с собой крайний национализм и подстрекательство к войне. Благодаря либерализации политической системы доступ к власти получают разнообразные группы, начинающие отстаивать свои несовпадающие интересы» [3, с. 120].

Довольно интересный анализ квазидемократических образований предприняли В. Меркель и А. Круассан в работе «Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях». Для определения политических режимов различных типов ими, в качестве классифицирующих оснований, выбраны аспекты, на которых базируются претензии на политическое господство. К подобным аспектам относятся: легитимация господства; доступ к господству; монополия на господство; притязание на господство; структура господства; способ осуществления господства. Так, в демократических условиях политическое доминирование легитимируется через принципы свободы и равенства, в тоталитарных — через догматические «закрытые» мировоззрения. В демократиях доступ к господству открыт и институционализирован через гарантии всеобщего свободного избирательного права, при автократических системах правления, напротив, существуют многочисленные избирательные ограничения, основанные на политических, расовых, религиозных и иных основаниях. В либерально-конституционных демократиях политические решения принимаются исключительно представителями народа, прямо или косвенно легитимированными демократически. При тоталитарных (авторитарных) режимах политические решения принимаются закрытыми группами (анклавами), причём данные решения могут носить и антиконституционный характер. Граница притязаний на политическое господство в демократиях конституционно установлена и защищаема законами от нарушений. В автократиях же подобная демаркационная линия является случайной. Она проводится, переносится или нарушается в зависимости от политической конъюнктуры. Структура господства находится в зависимости от принципа разделения властей. В демократиях три ветви власти разделены так, что способны контролировать друг друга, а в автократических режимах подобный контроль ограничен в пользу исполнительной власти либо вовсе отсутствует. При демократических режимах способ осуществления политического господства находится в соответствии с конституционно определёнными принципами и подлежит контролю,

а в автократиях политическое господство неподконтрольно и может основываться на неограниченном произволе [4, с. 8–9].

По причине нарушений базовых демократических аспектов, формируются режимы названные «дефектными демократиями». Так, в либерально-конституционных демократиях, доступ к политическому господству гарантирован всеобщим избирательным правом и осуществляется с помощью свободных выборов. Однако если значительный сегмент взрослого населения исключён из избирательного процесса, по каким-либо основаниям, то данная демократия становится дефектной («исключающая демократия»).

В конституционно — правовых демократиях политическое господство осуществляется представителями народа, победившими на выборах. Однако когда «группы вето» (военные, финансовая элита, промышленные концерны и др.) лишают законных представителей доступа к определённым политическим либо экономическим сферам, возникают функциональные анклавов. Данный вид дефектной демократии, по классификации Меркель — Круассан, носит наименование «анклавной демократии».

В случае если избранные на свободных и равных выборах представители народа отступают от основных демократических принципов, а взаимный контроль властей частично нарушается за счёт политических манёвров в обход парламента или судебной власти, то данная демократия также является дефектной («нелиберальна демократия») [4, с. 10–12].

Филипп К. Шмиттер в своей работе «Угрозы и дилеммы демократии» при классификации и анализе причин появления квазидемократий, исходил из принципа взаимосвязи процессов либерализации и демократизации. Так, когда переходный период инициируется сверху, прежняя политическая элита делает попытку защитить собственные интересы путём внедрения авторитарных приёмов. В подобных случаях, когда проводится либерализация без демократизации (уступаются некоторые индивидуальные права без согласия на подотчётность гражданам), возникающий гибридный режим получил название «диктабланда». Если же проводится демократизация без либерализации (итоги проведения выборов гарантируют победу правящей партии, определённые общественно-политические группы исключаются из избирательного процесса), то подобное образование, по Шмиттеру, носит наименование «демокрадура» [5]. Сам Шмиттер не исключает варианта, когда при диктабланда либерализация может привести к возникновению

гражданского общества, которое получает гораздо больше прав, чем ему изначально собиралось предоставить автократическое правление. Кроме того, на выборах при демократурах, победители выборов могут использовать авторитет гражданского правительства для сужения прерогатив авторитарных анклавов (например, военных). Однако, как подчёркивает Шмиттер, подобные гибридные образования чаще всего служат фасадом для укрепления авторитарных режимов.

Где же проходит грань, отделяющая квазидемократические образования от либеральной демократии. Стоит отметить, что многие политологи пытались вывести критерии демократичности в современной политической системе (например, Й. Шумпетер, А. Пшеворский, Т. Карл и др.). Однако, наиболее полный список аспектов, присущих демократическим системам правления, сформулировал Лесли Даймонд в своей работе «Прошла ли «третья волна» демократизации?». Стоит отметить, что именно этими критериями руководствуется «Freedom House» в своих аналитических обзорах по проблеме демократии в современном мире.

Так, согласно Даймонду, реальная власть в демократических государствах принадлежит выборным чиновникам и назначаемым им лицам, а не свободным от контроля со стороны общества акторам (например, военным или зарубежным державам). Исполнительная власть в данных государствах ограничена конституционно, а её подотчётность обеспечивается другими правительственными институтами (например, независимой судебной системой, парламентом, уполномоченными по правам человека). В либеральной демократии не только заранее не предопределены результаты выборов, но и ни одной группе, придерживающейся конституционных принципов, не отказывается в праве создавать собственную политическую партию и принимать участие в избирательном процессе (даже если «заградительные барьеры» и иные электоральные правила не позволяют малым партиям добиваться представительства в парламенте). Культурным, этническим, конфессиональным меньшинствам (или традиционно дискриминируемым группам большинства) не запрещается выражать собственные интересы в политическом процессе и использовать собственный язык и культуру. Кроме того, в условиях либеральной демократии, помимо партий и выборов, имеются другие постоянные каналы выражения и представительства законных интересов граждан. В роли таких каналов выступают различные автономные ассоциации, движения и группы, создаваемые гражданами. В дополнение к свободе ассоциаций и принципу плюрализма, существуют альтернативные

источники информации (независимые СМИ), к которым граждане имеют ничем не ограниченный доступ. Индивиды, в демократических государствах, обладают основными гражданскими свободами, включая свободу убеждений, мнений, свободу слова, собраний, демонстраций, Все граждане являются политически равными, а личные и групповые свободы эффективно защищены независимой судебной властью, чьи законные решения признаются и обеспечиваются другими ветвями власти. Именно власть закона ограждает граждан от произвольного ареста, изгнания, террора, пыток и вмешательства в их личную жизнь не только со стороны государства, но и иных организованных сил [6, с. 10–13].

Следовательно, системы правления, где не наблюдаются какие-либо из перечисленных факторов, не являются демократическими в полном смысле этого слова. Однако автоматическое отнесение подобных режимов к квазидемократическим было бы ошибочным, так как квазидемократия может обладать формальными признаками демократической системы. Так, в ней может наличествовать разделение властей, институт всеобщих выборов, конституционное закрепление принципа верховенства права и равенства всех перед законом. Однако квазидемократия симулирует содержание либеральной демократии при сохранении её внешних форм и атрибутов.

Причины появления такого феномена как квазидемократия довольно разнообразны. К ним можно отнести и сложившуюся в обществе определённую структурированность политической элиты, экономические факторы, традиционную политическую культуру.

Так, на постсоветском пространстве в первые периоды преобразований политическая элита рекрутировалась преимущественно из советской партийной номенклатуры. Сложившиеся политические традиции данного слоя оказывали (и до сих пор оказывают) заметное влияние на функционирование новых политических институтов. Так, зафасадным имиджем партий власти (например, «Единой России») наблюдается явное тяготение к структуре КПСС. Для политической ситуации в Украине характерно наличие нескольких финансово-промышленных центров (например, Донецк и Днепропетровск), лоббирующих свои интересы с помощью большой политики. Подобное явление с одной стороны привносит в политическую жизнь страны дух конкуренции, но с другой стороны способствует дестабилизации общества и антиноличности в восприятии политических реалий.

На образование квазидемократии, также могут повлиять и экономические факторы. По общепринятому положению, чем богаче государство, тем выше вероятность установления в ней демократического правления. Однако, данное утверждение не всегда однозначно. «Демократизация не детерминирована экономическим развитием. В 1976 г. Чехословакия и Восточная Германия очутились в богатой экономической зоне, где «должны» были уже быть демократическими, а Советский Союз, Болгария, Польша и Венгрия, имея ВВП на душу населения свыше 2000 долларов, занимали высокое положение в зоне транзита. Однако политика и внешние сила задержали их продвижение к демократии до конца 1980-х гг» [7, с. 75.] Так, например, материальные средства, полученные в результате сырьевого экспорта (прежде всего, нефти и газа), зачастую не только не создают стимулов для демократических преобразований, но могут им воспрепятствовать. Данный эффект может быть вызван следующими причинами. Например, доходы, полученные от сырьевого экспорта, оседая в карманах правящей элиты, способствуют олигархизации политики. Так, Филипп К. Шмиттер в уже упоминавшейся работе «Угрозы и дилеммы демократии» отмечал: «В самых демократических институтах профессиональные лидеры и администрация обычно обладают определёнными преимуществами в силу самого пребывания в должности, изолирующими их от угрозы низложения. Партии, ассоциации и движения становятся всё более олигархическими и, таким образом, всё менее подотчётными широкой публике» [5].

Кроме того, с помощью доходов от экспорта сырья правящая элита может затруднить формирование независимых от правящих структур социальных групп (оппозиционных политических партий, диссидентских групп), которые могут заявить о своих правах и желании преобразований в государстве. Власть может тратить огромные средства, полученные от экспорта, на содержание силовых структур (спецслужб, политической полиции и т. д.), используя их в борьбе с инакомыслящими и оппозиционными движениями. Кроме того, политическая элита, преследуя цель создания благоприятного имиджа, может направлять средства, полученные от экспорта сырья, на социальные попечительские программы, тем самым, снижая внутреннюю напряжённость и ослабляя давление оппозиции.

Стоит отметить немаловажную роль политических традиций и политической культуры в процессе становления демократии. Демократические преобразования и становление гражданского общества должны опи-

раться, прежде всего, на ценностные установки членов социума, а не на директивы и манипуляции правящей политико-экономической элиты. Однако в каждом государстве (а государство это не только границы и территория, но и этническая система с собственными традициями и ментальностью), существуют определённые ценности и культурные установки, которые не всегда способствуют установлению демократических институтов. Например, Арнольд Джозеф Тойнби, анализируя африканскую систему правления, указывал: «Западная демократия и африканская система власти являются системами, имеющими между собой очень мало общего. А если добавить к этому, что границы современных африканских государств не совпадают с племенным делением, а вследствие этого отсутствует осознание территориальной целостности и национальной общности, становится очевидным, как мало сходства между тем, что называют демократией в Африке и западной демократической системой» [8, с. 64].

Политическая культура России характеризуется подданническим отношением к властным структурам. Привнесение в неё некоторых демократических элементов в период конца 1980-х — начала 1990-х гг. породило некую мозаичность ценностных установок в современном российском социуме. В итоге в массовом сознании всё чаще доминируют антиномии типа «модернизация — фундаментализм» (причём отношение к модернизации, в массе своей, как правило, негативное, так как она ассоциируется с реформами периода правления Горбачёва и Ельцина), «западничество — почвенничество», «авторитаризм — демократия».

В современной украинской политической культуре проявления подданничества в отношении к власти выражены несколько слабее, чем в российской. Однако здесь формированию антиномий в массовом сознании способствует геокультурный раскол страны на восточную и западную части. Данный раскол основывается на нескольких аспектах, а именно на геополитическом, религиозном и языковом факторах. «Украина — это расколота страна с двумя различными культурами. Линия разлома между цивилизациями, отделяющая Запад от православия, проходит прямо по её центру вот уже несколько столетий» [9, с. 255]. Данное разделение оказывает активное воздействие и на политическую жизнь. Так, выборы на Украине «отражают и выкристаллизовывают раскол между европеизированными славянами на Западной Украине и русско-славянским видением того, во что должна превратиться Украина. Это не столько этническая поляризация, сколько различные культуры» [9, с. 256–257]. В данных условиях формирование единой

«общукраинской идеи», способствующей объединению нации на демократических началах, будет ограничиваться «плакатным» уровнем («Украинский прорыв» Ю. Тимошенко и т. п.) и вряд ли встретит всеобщую поддержку в обществе.

С другой стороны феномен квазидемократии необходимо рассматривать не только в политологическом ключе на предмет соответствия или несоответствия общепринятым демократическим канонам, но и перейдя демаркационные границы отдельной дисциплины, исследовать его комплексно. Явление квазидемократии более глубоко в своей сущности. Продуктивная среда для данного феномена базируется на определённых гносеологических аспектах, которые можно вскрыть с помощью постмодернистской и постструктуралистской методологии.

В 1968 г. в свет вышла работа «Система вещей» французского философа Жана Бодрийяра, которая оказала заметное влияние на ряд научных дисциплин (включая и политологию). В «Системе вещей» вводится центральное понятие всей философской системы Бодрийяра, а именно, понятие симулякра. Симулякр, в интерпретации Бодрийяра, выступает как некое ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заменитель. «Симулякр — это имитация несуществующего. Симулировать — значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле. В постмодернистской ситуации, где реальность превращается в модель, оппозиция между действительностью и знаками стирается и всё превращается в симулякр» [10, с. 6]. Здесь Бодрийяр исходит из размышлений другого видного французского философа — Ролана Барта, указывавшего на обманчивую «натурализацию» идеологических значений, о превращении реальной природы (или истории) в условный знак природности или историчности.

Бодрийяр понимал под симулякрами знаки или образы, отрывающиеся по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, к которым изначально они относились, и тем самым выступающие как подделки, фальсифицированные копии, не соответствующие оригиналу. При этом философ выделял четыре вида симулякров: символ, отражающий сущностную характеристику реальности; символ, маскирующий и искажающий сущность реальности; символ, скрывающий отсутствие сущности реальности; символ, не соотносящийся с реальностью вообще.

Социальная роль симулякров — создавать замещение реальных предметов и явлений (например, демократии) там, где они недоступны или малодоступны человеческому восприятию. Например, как показывают

результаты социологических исследований, значительная часть населения вообще не воспринимает адекватно ни государственные органы, ни партии, ни депутатов, ни их идейно—ценностные позиции. Но у каждой группы населения есть своя политическая квазиреальность со своим языком понятий и представлений.

При виртуализации общества символы начинают играть всё большую роль. Причём возрастает количество симулякров четвертого типа, то есть чистой фикции. Например, властные структуры формируют определённый образ себя и своей ценностной системы, «имидж», чтобы предъявлять его социуму. Основой социально-политической дифференциации в современной среде становятся потребляемые знаки и используемая система идеалов и ценностей (которые в свою очередь так же являются симулякрами).

Символы имеющее концентрированное выражение в коде, становятся абсолютно индетерминированы, относительно реалий окружающего мира. В итоге разрушается и отмирает связь между символами и реальностью. Обмен между символами происходит относительно друг друга, но не между символами и реальностью. За символами, за понятиями политических идеалов и ценностей зачастую не стоит ничего конкретного. Здесь стирается грань между реальностью и вымыслом, между истиной и заблуждением. Реальность и истина, как считает Бодрийяр, просто перестают существовать.

Символический обмен приводит к утверждению «гиперреальности». Под гиперреальностью Бодрийяр понимает симуляции чего-либо. Гиперреальность для стороннего наблюдателя более реальна, чем сама реальность более правдива, чем истина, более ценностна чем сама ценность.

Если объекты существуют в реальности, то поле действия симулякров, пространство их существования — гиперреальность. Это не расширение реальности путём прибавки к ней совокупности мыслимых миров. Это подмена реальности, которой, по Бодрийяру, уже не существует.

Огромную роль в формировании гиперреальности и в популяризации искусственно разработанных политических идеалов и ценностей играют средства массовой информации. Некоторые учёные считают, что именно этот факт даёт СМИ огромную власть над обществом. Бодрийяр доказывал, что СМИ и массы взаимно влияют друг на друга. Они начинают с того, что господствующему коду противопоставляют свои особые субкоды, а заканчивают тем, что любое приходящее к ним

сообщение заставляют циркулировать в рамках специфического, определяемого ими самими цикла.

В современной системе экономической, политической, научный успех больше зависит от искусственно разработанных образов, чем от реальных поступков и вещей, образ более действенен, чем реальность. Социальные институты—рынок, корпорация, государство, политические партии, ценности и традиции перестают быть реальностью социальной и становятся реальностью виртуальной.

Бодрийяр назвал гиперреальность большим спектаклем. Массы—это те, кто ослеплён игрой символических ценностей и порабощён стереотипами, это те, кто воспринимает всё, что угодно, лишь бы оно оказалось зрелищным. Они отвечают на вопросы именно так, как от них требуется.

Индивид сознаёт условность виртуальной реальности, но увлечённо живёт в ней, сознавая управляемость её параметров и возможность выхода из неё. Он погружается в виртуальную реальность, поддаваясь императиву виртуализации, своего рода воле к виртуальности, которая трансформирует все сферы жизнедеятельности. Тот, кто успешно манипулирует образами, идеалами и ценностями, всегда приобретает относительно высокий социальный (и политический) статус и в собственных практиках следует императиву виртуализации общества. Тот, чьи практики ориентированы на представление о реальности социальных идеалов, с большей вероятностью оказывается в нижних слоях стратификационной пирамиды.

Говоря о проблеме масс-медиа, Бодрийяр указывал, что их характерной чертой является то, что они предстают в качестве антипроводника, что они антикоммуникативны—если мы примем определение коммуникации как обмена, как пространства взаимосвязи слова и ответа, а, следовательно и ответственности,—что они вовсе не обладают психологической и моральной ответственностью.

Таким образом, вся современная архитектура масс-медиа основывается на данном определении: они являют собой то, что навсегда запрещает ответ, что делает невозможным процесс обмена (разве только в формах симуляции ответа, которые сами оказываются интегрированными в процесс передачи информации). Именно в этом и заключается полная абстракция масс-медиа. И именно на данной абстракции основывается система социального контроля и установление системы идеалов и ценностей, прошедших легитимацию на уровне политической власти. «Первым и самым показательным примером масс-медиа является избирательная система, венцом которой оказался референдум, где ответ уже

включён в вопрос, как это делается в ответах, — это слово, которое отвечает самому себе при помощи симулированной возможности ответа, причём в данном случае, абсолютизация слова, прикрытая формальной маской обмена, является самым определением власти» [11, с. 239].

Масс-медиа не является обменным информационным инструментом. В этом — суть развития масс-медиа. Это не просто совокупность технических средств для распространения содержания информации, это навязывание моделей политических и социальных ценностей. Передаче подлежит не то, что проходит через прессу, телевидение, радио, но то, что улавливается формой/ знаком, оказывается артикулировано в моделях и управляется кодом.

Современная политика, требующая особого патетического отношения к своим фетишизируемым символам, в такой же фетиш превратила и понятие «демократия». Когда произносят слово «демократия» (а оно фигурирует в СМИ чуть ли не каждый день) индивиды уже не задаются вопросом, действительно ли слышен голос народа, действительно ли в стране, о которой говорится, нет узурпированности власти двумя-тремя партиями. В частности, Арнольд Джозеф Тойнби в своей работе «Постижение истории» указывал: «Для современной Западной цивилизации демократия — это постоянный и хорошо отлаженный институт правления. В теории демократия предусматривает стирание различий между правителем и поданными, однако на практике атрибуты власти всегда оказываются в руках небольшой группы специалистов — юристов, судей, полицейских и т. д.» [8, с. 64].

В контексте изложенного вопроса возникает реальная проблема (которую можно констатировать, но, к сожалению, невозможно разрешить): не являются ли системы ценностей и идеалов, которыми оперирует социально-политическая среда не более чем симулякрами, служащими в качестве механизмов управления социумом и позволяющим власти импринтировать собственные идеалы в сознание массового человека

И не выступает ли феномен квазидемократии логическим продолжением постмодернистской «симуляции реальности»

Список использованных источников:

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2004. — 588 с.
2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2004. — 730 с.

3. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за её пределами / Ф. Закария. — М.: Ладомир, 2004. — 383 с.
4. Меркель В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях / В. Меркель, А. Круассан // Полис. — 2002. — №1. — С. 6–17.
5. Шмиттер Филипп К. «Угрозы и дилеммы демократии» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm>
6. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации
7. / Л. Даймонд // Полис. — 1999. — № 1. — С. 10–26.
8. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. — М.: РОССПЭН, 2003. — 368 с.
9. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / А. Дж. Тойнби. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 592 с.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2005. — 603 с.
11. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. — Тула, 2013. — 204 с.
12. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. — М.: Академический проект, 2007. — 335 с.

Стаття надійшла до редакції 15.11.2013 р.

Каневський І. О. Феномен квазідемократії в контексті парадигми постмодерну

Розглядаються причини виникнення та політико-правові особливості квазідемократії. При цьому аналізується вплив на формування квазідемократії політичної культури та економічного чинника.

Ключові слова: демократія, політична система, квазідемократія, постмодерн, симуляція.

Kanevsky I. Quasi-democracy phenomenon in the context of paradigm postmodern.

The article discusses the causes of political and legal features of the quasi-democracy. In this analysis of the influence on the formation of quasi-democracy political culture and economic factors..

Key words: democracy, the political system, quasi-democracy, postmodern simulation.